

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	6
ОТ РЕДАКТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ. Лучшее из лучшего	10
Брайан Ламли. ОТКУДА НА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ АКУЛЫ?	21
Майкл Маршалл Смит. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РИСОВАЛ КОШЕК	66
Рэмси Кэмпбелл. СХОЖЕ ВО ВСЕХ ЯЗЫКАХ...	87
Кристофер Фаулер. НОРМАН УИЗДОМ И АНГЕЛ СМЕРТИ	105
Харлан Эллисон. МЕФИСТОФЕЛЬ В ОНИКСЕ	129
Пол Дж. Макоули. ИСКУШЕНИЕ ДОКТОРА ШТАЙНА	189
Нил Гейман. КОРОЛЕВА НОЖЕЙ	215
Терри Лэмсли. ОТДЫХ	223
Кейтлин Р. Кирнан. ПУСТОТА БЫЛА КРАСНОРЕЧИВА	277
Питер Страуб. МИСТЕР ТРЕСК И МИСТЕР ТУМАК	301
Тим Леббон. БЕЛЫЙ	402
Ким Ньюман. ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПОЛУНОЧИ: ЭРА ДРАКУЛЫ, 1981	480
Элизабет Хэнд. ЖЕЛТОКРЫЛАЯ КЛЕОПАТРА БРИМСТОУН.	586
Джо Хилл. ПРИЗРАК ДВАДЦАТОГО ВЕКА	646
Марк Сэмюэльс. БЕЛЫЕ РУКИ	669
Лиза Татл. МОЯ СМЕРТЬ	689
Клайв Баркер. ИСТОРИЯ ГЕККЕЛЯ	774
Глен Хиршберг. УЛЫБКА ДЬЯВОЛА	796
Саймон Курт Ансворт. ЦЕРКОВЬ НА ОСТРОВЕ	827
Стивен Кинг. «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» ПО СПЕЦИАЛЬНОЙ ЦЕНЕ	850

[1989]

Брайан Ламли

ОТКУДА НА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ АКУЛЫ?

В 1989 году издатель Ник Робинсон надумал выпустить дополнение к великолепной серии Гарднера Доуза The Year's Best Science Fiction, переименованной для британского рынка в Best New SF.

Он поинтересовался, не хочу ли я стать редактором ежегодной антологии ужасов Year's Best, представляющей собой выборку произведений, опубликованных в предыдущем году. Я немедленно согласился, однако — с некоторыми оговорками.

Во-первых, я попросил Рэмси Кэмпбелла стать моим со-редактором. На мой взгляд, он — один из умнейших и опытнейших авторов, работающих в этом жанре. Во-вторых, заручился согласием своего старинного друга Карла Эдварда Вагнера (вот почему первый том посвящен именно ему). Дело в том, что Вагнер уже занимался ежегодной антологией The Year's Best Horror Stories для DAW Books. (Эллен Дартлоу и Терри Уиндлинг начали издавать свою ежегодную серию The Year's Best Fantasy and Horror для St. Martin's Press года на два раньше, но я не считал ее нашим прямым конкурентом, поскольку их сборники наполовину состояли из новелл в жан-

---

NO SHARKS IN THE MED copyright © Brian Lumley 1989. Originally published in Weird Tales No. 295, Winter 1989. Reprinted by permission of the author.

© Перевод. С. Резник, 2016.

ре «фэнтези».) И только после этого мы с Рэмси принялись собирать все, что только ни попадало в наши загребущие руки.

Первый том содержал двадцать рассказов¹. Он примечателен тем, что в нем мы в первый и единственный раз опубликовали новеллы Роберта Уэстолла и Ричарда Лаймона, слишком рано покинувших наш бранный мир. «Предисловие», представлявшее собой обзор того, что произошло в жанре ужасов за год, занимало там всего семь страниц. Раздел «Некрологи», оказавшийся на странице длиннее, мы с Кимом Ньюмэном позаимствовали из почившего в бозе журнала Shock Xpress.

В заключении мы с Рэмси выразили опасение, что бум популярности хоррора, пришедшийся на восьмидесятые годы, долго не продлится, и если жанр хочет как-то выжить, ему придется покинуть разряд книг, которые приносят прибыль, не нуждаясь в рекламе. Теперь, оглядываясь назад, я могу сказать, что наши пророчества, увы, сбылись.

В качестве обложки издатель выбрал типичную для Леса Эдвардса иллюстрацию «Вампир с мызы Гроглин». (Если вы хотите узнать, где создатели «Баффи — истребительница вампиров» черпали свое вдохновение, придумывая Джентльменов для серии «Тишина», этого будет достаточно.) Единственное, чего не хватало Робинсону, был логотип, и я быстренько наваял эскиз с помощью летрасетовского набора шрифтов и маркеров. К немалому моему изумлению, его в дальнейшем использовали до последнего тома.

В Великобритании Robinson Publishing выпустило первый том Best New Horror в мягкой обложке с «золотым» тиснением, тогда как в США Carroll & Graf решили дать твердую обложку (безо всякого золота), дизайн которой использовали на следующий год для переиздания книги уже в мягкой обложке.

Когда дело дошло до отбора рассказов, я ни минуты не колебался. История «Откуда на Средиземноморье акулы?», принадлежащая бойкому перу Брайна Ламли, является для меня одним из ярчайших примеров психологического (в проти-

---

¹ На русском языке антология была выпущена в 2011 году под названием «Ужасы. Замкнутый круг».

вовес «сверхъестественному») хоррора, написанного в обожаемом мною поджанре «не в своей тарелке». Она повествует о туристах, угодивших в ситуацию, которая внезапно выходит из-под контроля...

Таможенной проверки, считай, не было: народ загружался в магазинчиках «дьюти-фри» только при отлете из Греции. Так же спустя рукава проходил и паспортный контроль, которым занималась скучающая парочка загорелых волосатых типов в сдвинутых набекрень фуражках и тесных, грязноватых мундирах. Один брал паспорт, находил нужную страницу, сличал фотографию с вашей физиономией, причем взгляд его оставался пустым и равнодушным, если только вы не оказывались фигуристой женщиной (в таком случае вас рассматривали куда пристальнее, если не сказать больше), затем паспорт передавался дальше. «Пас-порт. Пасовать из порта в порт... Как-то так», — подумал Джефф Хэммонд. Приняв маленькую черную книжечку, второй таможенник грохнул печатью, продавив сразу несколько страниц, и как-то неохотно вернул важный документ владельцу, словно сомневаясь, достоин ли тот доверия.

У типа с печатью обнаружился брат-близнец — такой же широкоплечий, среднего роста узкобедрый парень лет двадцати восьми. Набриолиненные кудри цвета воронова крыла вились тугими, будто накрученными на бигуди, колечками, а карие глаза смотрели одинаково безучастно. Отличить одного от другого можно было лишь по униформе. Точнее, у того, который стоял уже на греческой территории, ее не было вовсе. Привалившись к барьеру, он вертел между пальцами дешевые очки в желтой оправе, отчего их темные стекла казались блестящим пропеллером, и довольно бесцеремонно осматривал прибывающих. Его мускулистые ляжки обтягивали потертые шорты, такие тугие и короткие, что еще немного — и это выглядело бы непристойным. «Похотливый козел!» — подумал Джефф чуть ли не со стыдом. Наверняка парень вырядился так в надежде подцепить одинокую туристку, могущую взять его на заметку. И у него были бы шансы, будь он чуть по-

выше и понахальнее. Другое дело, что лицо его оставалось пустым и бездумным, как и его глаза.

Вдруг до Джеффа дошло, что не так с этими глазами: у парня в вызывающе топорщащихся шортах имелось бельмо. Как и у его близнеца, штамповавшего паспорта, кстати. У обоих правые зрачки были белесыми, словно у дохлой рыбы. «Паспортист» носил очки с дымчатыми стеклами, так что заметить дефект можно было, лишь когда он поднимал на тебя глаза. Джефф же его не слишком интересовал, в отличие от Гвен, естественно. Переведя взгляд на терпеливо дожидавшегося Джеффа, грек спросил:

— Вы двое? Вместе? — голос прозвучал излишне резко, будто обвиняюще.

Ну, конечно же! Разные фамилии в паспортах! Однако Джефф не собирался распинаться, объясняя, что они только-только поженились, и Гвен еще не успела поменять документы. Вот это уже точно было бы недостойным и стыдным. Вообще-то, если вдуматься, они, возможно, действительно нарушали закон. Скорее всего, Гвен следовало еще в Лондоне срочно заняться выправкой паспорта, или что там требовалось сделать, прежде чем отправляться в свадебное путешествие, но... Им подвернулся этот «горящий» тур — за полцены в последнюю минуту, лишь бы кто-то заполнил место, эдакий «дареный конь», а время поджимало, ну, и... Какого черта?! На дворе 1987 год, разве нет?

— Да, — наконец выдал Джефф. — Мы вместе.

— Ясненько, — с ухмылкой кивнул таможенник. Приподняв бровь, он вновь оценивающе оглядел Гвен, прежде чем поставить печать и вернуть ей паспорт.

«Ублюдок бельмастый!» — решил Джефф.

Когда они в итоге миновали барьер, второго бельмастого ублюдка уже не было.

Раздвинулись автоматические стеклянные двери, выпустив их из тенистой прохлады аэропорта на нагретую солнцем автобусную стоянку, — словно заслонка печи распахнулась. Точно так же, чуть ранее, они вывалились из кондиционированного салона самолета и в толпе других пассажиров побрели по бетонке к автобусам, ждущим, чтобы отвезти их на паспортный контроль: сперва ты молод-

цевато шагаешь под горячими солнечными лучами, но к тому времени, пока докатишь тележку с багажом до стойки регистрации, — подмышки уже мокрые. Был час дня, и температура, по всей видимости, уже несколько часов держалась около 85 градусов¹. Сверху давил полуденный зной, а снизу ему жарким эхом вторил бетон. Короче, жарыща жуткая.

К ним подлетела девушка в мини-юбке, румяная, словно английская роза, и взмыленная, будто скаковая лошадь, — ее белая блузка промокла от пота, но бело-голубая шляпка все еще кокетливо сидела на голове. В руках девушка держала планшет с зажимом и тонкую пачку листочков.

— Мистер Хэммонд и мисс... — она сверилась со своими записями. — Мисс Пинтер?

— Мистер и миссис Хэммонд, — сообщил Джефф и, немного понизив голос, доверительно добавил: — Мы добропорядочные, законные и официальные супруги, просто наши личности были законспирированы для защиты папортов.

— Что-что? — спросила девица.

«Видно, шутка для нее сложновата», — подумал, вздохнув про себя, Джефф.

— Мы оба — Хэммонды, — любезно произнесла Гвен.

— Ага, — девушка выглядела немного сбитой с толку. — Но как же...

— Я не успела поменять паспорт, — весело пояснила Гвен.

— А! — осенило сотрудницу турбюро, она нервно улыбнулась Джеффу и перевела взгляд на Гвен. — То есть это значит, что вас можно поздравить?

— Уже четыре дня как, — ответила Гвен.

— В таком случае примите мои запоздавшие поздравления.

— Где наш автобус? — поинтересовался Джеффа, которому не терпелось поскорее убраться с солнцепека. — И нельзя ли, чтобы он был с кондиционером?

Неподалеку, у обочины, торчали беспорядочно припаркованные автобусы.

---

¹ Около 30 °С.

Агент снова как-то замялась, и в ее ярко-голубых глазах мелькнуло смущение.

— Вы направляетесь в... э-э-э... Ахлади?

Джефф опять вздохнул, на сей раз довольно отчетливо. Ей самой полагалось знать, куда именно они направляются. Хорошенькое начало, нечего сказать.

— Да-да, — затараторила девушка, прежде чем кто-нибудь из них успел вставить слово. — В Ахлади, но не на автобусе! Видите ли, ваш самолет опоздал на целый час, мы не могли задержать автобус из-за двух человек, но вы, пожалуйста, не волнуйтесь, мы отправим вас туда на такси. Расходы, разумеется, возьмет на себя «Скай-Тур».

И она побежала за такси. Джефф и Гвен переглянулись, пожали плечами и опустили на чемоданы. Однако девушка сразу же вернулась. За ней, ткнувшись в бордюр, подкатило такси. Оттуда выскочил молодой грек, заметался, распахивая дверцы, и принялся заталкивать чемоданы в багажник, пока Джефф и Гвен устраивались на заднем сиденье. Парень забрался на водительское место, кинув рядом соломенную шляпу, захлопнул дверцу, оглянулся на пассажиров и ослабился. В ровном белом ряду блеснул золотой зуб. Улыбка вышла какой-то нечеловеческой, словно оскал акулы перед укусом. Голос тоже был странно тусклым, напоминая глухой стук медленно перекатывающихся в грязи булыжников:

— Ахлади, да?

— Да, Ахл... — Джефф запнулся было, но взял себя в руки. — Да, верно, Ахлади.

Таксистом оказался бельмастый брат бельмастого па-спортиста.

— Я — Спирос, — объявил тот, отъезжая от аэропорта. — А вас как?

Все в душе Джеффа противилось тому, чтобы фамильярничать с этим субчиком. Будто по вспотевшему затылку внезапно потянуло сквозняком.

— Хэммонд, — произнес он. — А это — моя жена.

Гвен слегка повернулась к нему и нахмурилась.

— Жена! — с нажимом повторил Джефф.

Она определенно удивилась, но сочла за лучшее промолчать.

Спирос не отрывал глаз от дороги, которая становилась все уже и извилистей. Они обогнули главный городок острова и помчались к предгорьям, перетекающим в скалистый хребет, понизу покрытый какой-то растительностью. Ахлади находилась где-то в получасе езды, по другую сторону гряды. Вскоре шоссе превратилось чуть ли не в проселок: рытвины и бугристые асфальтовые лоскуты, покрытые толстым слоем пыли. В общем — нормальная греческая дорога. Они въехали в небольшую деревню, и таксист сбавил ход. По сторонам выстроились беленькие домики, окруженные лимонными садами. Яркие мазки цветущих бугенвиллей, оплетающих террасы, рдели словно остаточные пятна на сетчатке глаза. Затем Спирос вновь поддал газу.

Все позади скрылось в густом облаке пыли, вздымавшемся из-под колес. Джефф посмотрел в засиженное мухами заднее стекло. Бурое облако гналось за ними, хороня под собой недавнее прошлое. Повернувшись, он заметил, что на дорогу смотрит, преимущественно, больной глаз Спироса, тогда как второй, здоровый, — косит в зеркальце заднего вида. Что он там мог высматривать? Пыль? Да нет, какое там...

Гвен! Зеркальце было отрегулировано так, чтобы показывать ложбинку между ее грудей.

Джефф и Гвен только что поженились. День, когда Джеффу будут лстыть блудливые взгляды других мужчин на его жену, наступит еще очень и очень нескоро. Но даже и тогда на повестке дня будет стоять: «Смотреть — смотри, а рук не распускай». Сейчас же дело обстояло следующим образом: «Эй, не пьяль зенки, что мое — то мое! По крайней мере, — на девяносто девять и девять десятых процента». Что же до оставшейся микроскопической доли... Ну, с мыслями всяких похотливых козлов ничего уж не поделаешь.

Джефф взял Гвен за локоть, притянул к себе и прошептал ей на ухо:

— Заметила, как резко он берет повороты? Нарочно, чтобы мы дергались на сиденье. А сам при этом тарашится на твои подпрыгивающие сиськи.

Гвен, очарованная окружающими пейзажами, не обращала внимания ни на Спироса, ни на его глаза. Для эф-

фектной двадцатитрехлетней девушки она была на редкость наивна, причем совершенно не притворялась. Эта черта ее характера особенно нравилась Джеффу, который был старше жены всего на полтора года и, положив руку на сердце, не мог считать себя бывалым парнем. Однако на то, чтобы распознать крысу, чутья ему доставало. А от Спироса воняло целой стаей опасных, злобных крыс.

— Он... Что ты сказала?.. — звонко переспросила Гвен, поглядев на вырез своей блузки.

Одна из многочисленных пуговок расстегнулась, приоткрывая краешек бюстгалтера. Гвен подняла взгляд, и ее распахнувшиеся зеленые глаза встретилась в зеркале заднего вида с глазом Спироса. Таксист ухмыльнулся отражению девушки и непроизвольно облизнулся. По-своему он тоже был наивен. В определенном смысле.

— Пересядь-ка, — громко сказал Джефф, пока Гвен застегивала предательскую пуговку, а заодно и следующую. — С этой стороны вид лучше.

Он привстал, и Гвен протиснулась на его место. Теперь оба глаза Спироса смотрели только на дорогу.

Десять минут спустя они въехали в ущелье между поросшими сосновым лесом склонами, такими замечательно крутыми, что они казались отвесными. Там и сям сквозь хвою проступали каменистые осыпи или голая скала.

— Горы, — хрипло сообщил Спирос, не глядя на своих пассажиров.

— Надо же, у тебя глаз — алмаз, — похвалил Джефф.

Гвен легонько ущипнула его за руку. Он знал, что она полагает сарказм примитивнейшей формой остроумия, и понял намек: «Джефф, уймись! Тебе это не к лицу». Опять же, — жестокость. Хотя говоря о «глазе», Джефф ничего такого в виду не имел, вот только Спирос оказался слишком обидчивым. Таксист нашарил в «бардачке» свои темные очки в желтой оправе и нацепил на нос. Теперь он вел машину, храня гробовое молчание, — похоже, решил до самого конца не проронить больше ни слова.

Они перемахнули через хребет, и перед ними, словно на гигантском постере, предстало западное побережье острова. Горы спускались к самому морю, растворяясь

в невероятно пронзительной голубизне. Там, по обеим сторонам отлого уходящего в океан склона, словно воплощенные ослепительной мечты, гнездилась деревушка Ахлади.

— Красотища какая! — выдохнула Гвен.

— Ага, — охотно кивнул Спирос, — красотис-са.

Как и положено греку, он плохо выговаривал шипящие и изъяснялся по-английски с несколько «птичьим» акцентом:

— Рыбалка, купание, солнце — красотис-са!

Теперь дорога вела строго вниз. Извилистая, временами — волнующе-крутая. И отовсюду открывался одинаково ошеломительный вид. Джеффу вспомнился Кипр. В основном — хорошее, однако было и одно гадкое воспоминание, от которого вечно перехватывало дыхание, а кулаки сжимались. Из-за него, собственно, Джеффу и не хотелось еще раз ехать на Средиземноморье. Прикрыв веки, он попытался отогнать видение, но стало только хуже: картинка сделалась отчетливее.

Он как будто вновь превратился в ребенка, — летом шестьдесят седьмого ему исполнилось пять лет. Джефф родился в семье военных медиков: отец был штабс-сержантом, мать работала в Службе медицинских сестер имени королевы Александры. Они жили в Декелии, в семейном общежитии на территории британской военной базы, располагавшейся на побережье неподалеку от Ларнаки. Родители встретились и поженились в Берлине, где провели три года, прежде чем их перевели на Кипр. После двух лет на Кипре, отцу оставалось всего двенадцать месяцев до окончания его двадцатидвухлетнего контракта. По завершении этого последнего года под ласковым кипрским солнышком, его ожидало место в «неотложке» одной из крупных лондонских больниц. Мать Джеффа тоже надеялась получить там место. Но прежде, чем...

В школу Джефф пошел в Декелии. В те редкие выходные, когда и мать, и отец, оба находились в увольнении, они всей семьей отправлялись на море. Море Джефф любил больше всего на свете: золотой пляж, кристально-чистое безопасное мелководье. Случалось, в поисках уединения, они, прихватив корзинку для пикников, уезжали дальше по побережью, туда, где шоссе превращалось в проселок.

Находили удобный спуск со скал и плавали между утесов мыса Греко. Там-то все и произошло.

— Джефф! — Гвен дернула его за рукав, прогнав навзраждение.

Он был рад вернуться к реальности.

— Ты, часом, не уснул?

— Замечтался немного.

— Ой, и я тоже! Ведь такое лишь в мечтах и увидишь.

В смысле, ты только посмотри вокруг!

Они ехали по узкому серпантину, врезанному в крутой бок горы. Прямо под ними, внизу, простиралась Ахлади. Чуть не задев их высоким бортом, мимо проехал туристический автобус, из его окон глядели загоревшие лица, перегоревшие глаза: отдыхающие возвращались в аэропорт, а оттуда — домой, домой... Их каникулы закончились, в то время как у Джеффа с Гвен все только начиналось, и деревенька, где они собирались провести время, была действительно чудесна. Лучшим в ней было то, что она находилась вдали от основных туристических маршрутов: для Ахлади это был всего лишь второй турсезон. Прежде, до того, как построили аэропорт, на остров можно было попасть лишь на лодке. Мало кто заморачивался подобной возней.

Кипрский морок стремительно рассеивался. Хотя Джефф не считал себя романтиком вроде Гвен, волшебство Ахлади подействовало и на него. Он вынужден был признать, что они правильно сделали, приехав сюда.

Укромные садики за белеными стенами, красная черепица, окошки с зелеными ставнями, плоские крыши и крыши с невысокими скатами. Бугенвиллея, водопадами спускающаяся с белых, арочных террас. Сахарная часовенка на самом краю осыпающегося в море скалистого мыса. На каждом перекрестке — кряжистые древние оливы, огороженные заборчиками. Патио в пятнах тени от виноградных лоз, оплетающих шпалеры. Вот как выглядела Ахлади на первый взгляд.

Берег прикрывала высокая дамба. Не то чтобы деревеньке требовалась подобная защита, — прибрежная ее часть пряталась за изогнутыми клешнями моллов гавани. По многочисленным лестницам можно было спуститься с дамбы

прямо к воде. На всех сколько-нибудь ровных поверхностях были расстелены полотенца, а из волн торчало с полдюжины голов в масках с патрубками. Здесь явно было глубоко, но за дамбой, на четверть мили к югу, виднелся галечный пляж, подобный перепонке между пальцами какого-то гигантского зверя. Он тянулся на добрую сотню ярдов, туда, где в море вонзался следующий, напоминающий коготь, скальный мыс. Что же до остального побережья, там, насколько хватало глаз, Джефф видел лишь небо, горы и море — к югу и к северу... Как бесконечная цепочка отражений мыса Греко. Не успел он вновь вернуться к своим воспоминаниям, как голос Спироса прокурлыкал:

— Вилла «Элени», да? Туда нет дороги. Нельзя проехать. Я отнести вас-с багаж.

Дорога спускалась по отрогу, прямо к белой часовенке. Посередине ее под прямым углом пересекала другая, вдоль которой располагался пяток магазинчиков. Прочие улочки были очень узки или слишком круты, чтобы по ним мог проехать автомобиль. Вверх-вниз тарахтели древние мотороллеры да изредка цокали копытами ослики, — и это все. Спирос припарковался в тени необъятной оливы у главного (а по сути, — единственно достойного этого имени) перекрестка. Достал из багажника чемоданы: два больших и пару поменьше. Джефф намеревался разделить ношу пополам, но был решительно отодвинут в сторону: Спирос взял на себя основную тяжесть, оставив на долю англичанина мелочь. Джефф не стал настаивать, хотя понял, конечно, что грек выпендривается, кичась своей силой.

Спирос зашагал по круто уходящей вверх мостовой. Его мускулистые ягодицы норовили разорвать поношенные шорты, сделанные из обрезанных джинсов. Джефф и Гвен, входя в роль праздных отдыхающих, потопали следом. Джефф не сомневался, что она не сводит глаз с загорелых, гладких ног Спироса. А куда еще ей было смотреть?

— Он — Тарзан, ты — Джейн, — улыбнулся он, но получилось натянуто.

— А ты тогда кто? — начала заводиться она. — Чита?

— Уф-уф! — зауhal Джефф.

— Кстати, твои ягодицы все равно лучше, — смилостивилась Гвен. — Потверже.

Джефф решил поберечь дыхание и промолчал. Даже маленькие чемоданчики оказались ужасно тяжелыми. Если он — Чита, то Спирос, должно быть, — Кинг-Конг. Грек обернулся, ухмыльнулся в свой странной манере и попер дальше. Шумно сопя, Джефф и Гвен поднажали, попытавшись не отстать, но куда там!

На верхнем конце улицы Спирос свернул направо, под какую-то арку, поднялся по трем ступенькам, поставил чемоданы у лакированной сосновой двери. Дернул за шнурок, открывая щеколду, и вновь поднял чемоданы. Подождал, пока англичане его догонят, толкнул дверь и вошел внутрь.

— Вилла «Элени», — объявил он Джеффу и Гвен, последовавшим за ним.

За дверью оказался окруженный высокой стеной двор, мощенный черными и белыми камешками, выложенными в виде мозаичной картинки: дельфин и осьминог. За двухуровневым патио стояла так называемая «вилла», — квадратная коробка, чьим единственным достоинством был выдвижной тент, затенявший окна и большую часть двора, даря глазам вожеленный отдых от ослепительной белизны вокруг.

По внешней стене дома на второй этаж вела беленая лестница, завершавшаяся площадкой, откуда можно было попасть на балкон с деревянными перилами, прикрытый еще одним полосатым тентом. На перилах сушились пляжные полотенца и вместительный дамский купальник. Все окна были нараспашку — наверное, там кто-то был. А может быть, их будущие соседи сидели теперь где-нибудь в темной таверне, потягивая напитки со льдом. Из замочной скважины решетчатой, затянутой противомоскитной сеткой двери первого этажа торчал ключ с биркой, на которой было без затей выведено: «Мистер Хэммонд». Комнаты были забронированы на имя Джеффа.

— Нам сюда, — сказал он Гвен, поворачивая ключ.

Они вошли, за ними проследовал Спирос с поклажей. Внутри ждала благословенная прохлада. Им хотелось самим все тут как следует осмотреть, но грек, судя по всему, собрался провести ознакомительную экскурсию. Он явно уже здесь бывал. Поставив чемоданы на пол, Спирос гостеприимным жестом обвел помещение:

— Посидеть, поговорить, отдохнуть, — изрек он, после чего ткнул пальцем в облицованный плиткой угол с холодильником, мойкой и двухконфорочной электроплитой. — Кофе варить, хлеб жарить, рыбу, картос-ску, да?

Он распахнул дверь в небольшую комнатку, выложенную до потолка кафелем. Там были душ, раковина и унитаз.

— Вот, — лаконично сообщил он, не вдаваясь в подробности.

Преодолев в пять широченных шагов гостиную, грек перешел в другую комнату, с низким потолком, ребрящимся сосновыми балками. У закрытого жалюзи окна стояла деревянная двуспальная кровать с тумбами.

— Кровать, — изрек Спирос, склонив голову на бок. — Одна...

— Это все, что нам требуется, — буркнул Джефф, чувствуя, что начинает злиться.

— Да-да, — быстро проговорила Гвен, — спасибо вам... э-э-э... Спирос, вы были очень любезны. Теперь мы сами.

Грек поскреб подбородок, вернулся в гостиную и плюхнулся в шезлонг.

— Снаружи жарко, — произнес он, — внутри... *крио...* прохладно, да?

Джефф подошел к нему.

— Ужасно жарко, — согласился он. — И мы мокрые от пота. Нам нужно принять душ, разложить вещи и осмотреться. Спасибо тебе за помощь, можешь идти.

Спирос встал с увядшим лицом, выражение которого сделалось еще более пустым, чем обычно. Белесый глаз за темным стеклом очков выглядел странно.

— Идти? — неуверенно переспросил он.

Джефф вздохнул.

— Да! Идти!

Уголок Спиросова рта дрогнул, блеснул золотой зуб.

— Я быстро ехать из аэропорта, нести вас-сы вес-си.

— А! — дошло наконец до Джеффа, и он вытащил бумажник. — Сколько?

Драхмы он приобрел еще в Лондоне.

Спирос шмыгнул носом, пренебрежительно глянул и отвернулся.

— Тысячу, — без околичностей ответил он.

— Это примерно четыре с половиной фунта, — заметила Гвен из спальни. — Вполне разумно.

— Если не считать того, что по идее платить должен «Скай-Тур», — скривился Джефф, но все-таки отдал запрошенную сумму и проводил Спироса до дверей.

Выйдя, грек неторопливо пересек двор, задержался у арочного проема и оглянулся. Гвен стояла рядом с Джеффом в дверях под навесом. Таксист в упор посмотрел на нее и облизнул мясистые губы. Бессмысленная ухмылка вернулась на его лицо.

— Увидимся, — медленно проговорил он, словно занятый какой-то мыслью.

Когда дверь за ним закрылась, Гвен пробормотала:

— Что до меня, то ни за что на свете. Фу, пакость какая!

— Точно, — согласился Джефф. — Не лучший из здешних типажей.

— «Спирос», — протянула она. — А ты знаешь, что по-гречески это означает «дух»? Что ж, это имечко ему подходит. Самый настоящий злой дух.

Приняв душ, они бессильно рухнули на кровать. Впрочем, сил на то, чтобы заняться любовью, им хватило.

Потом, опустошив чемоданы, припрятав ценные мелочи, разложив или развесив по местам вещи, они переоделись, выбрав одежду полегче и посвободнее, обулись в сандалии, нацепили темные очки и отправились исследовать местность.

— А потом — на море, обязательно! — потребовала Гвен, сунув в пластиковую пляжную сумку свой купальник и полотенца.

Она обожала плавать, Джефф тоже, наверное, обожал бы, только...

Едва они вышли во дворик, как лакированная дверь распахнулась и появились их соседи. Прогулку и купание в море пришлось отложить. Выбора не было: пожилая пара, представившаяся как Джордж и Петула, чуть ли не захлебывалась от восторга, иначе и не скажешь.

— Дорогая моя, — произнес Джордж, куртуазно целуя ручку Гвен, — какая жалость, что наслаждаться обществом

столь очаровательной юной леди мне остается всего два денька!

Этому Джорджу было лет шестьдесят пять или около того. На несколько увядшем лице еще заметны были остатки былой привлекательности. Высокий, немного сутулый, загорелый как настоящий грек. Седыми усиками и блеклыми голубыми глазами он напоминал летчика Второй мировой (а возможно, и являлся им в действительности). Но, к сожалению, на Джордже были самые цветастые шорты и рубашка из всех, когда-либо виденных Гвен.

Петула была ростом с мужа, но вдвое превосходила его в ширину. Не менее загорелая (так что вряд ли ее волновали объемы) и едва ли не более энергичная. Про таких как она говорят: «За словом в карман не лезет». Довольно странная, если не курьезная пара: «сливки общества», но эдакие простые и демократичные. В общем, если Петула и говорила по-аристократически невнятно, так сказать — с «кашей во рту», то эта каша была щедро приправлена перцем.

— Он затрахает тебя своими дифирамбами, дорогуша, — гудела толстуха, провожая новых соседей по лестнице на балкон второго этажа. — Но хорошенько следи за его руками. Профессиональные фокусники могут брать у Джорджа уроки. Сорок лет назад он таинственным образом материализовался в моей спальне, да так там и застрял.

— Неправда! Она сама меня соблазнила, — пожаловался Джордж откуда-то из глубины комнаты.

— Я? Гнусный поклеп! — театрально возмутилась Петула. — Он не кто иной, как волк, прикидывающийся невинным... Иосифом!

— Иосифом? — переспросил Джордж, выходя на балкон с подносом, на котором стояли матовый графин с лимонным бренди, емкость с постукивающими кубиками льда, блюдо с дольками лимона, посыпанными сахаром, и подставкой для яйца, в которую была насыпана крупная соль для коктейля. — Ах, ты! Стаканы же! — воскликнул он и резво метнулся обратно в темную комнату.

— Вот именно, Иосифом, — сказала Петула, когда муж вернулся, и кивком указала на его бермуды и гавайскую рубашку. — «И сделал ему разноцветную одежду».

Короче, наступило веселье, Джефф и Гвен прекрасно проводили время. Они сидели за столом на пластиковых стульях, а Джордж с Петулой их развлекали. В общем, деревня Ахлады оказала им весьма радушный прием.

— Что до нас, — рассказывал чуть погодя Джордж, когда компания немного успокоились, — мы впервые приехали сюда восемь лет назад. Никаких самолетов тогда и в помине не было, только лодчонки. Теперь же все эти летающие туристы... — он огорченно пожал плечами. — Еще пара сезонов, и здесь, как везде, объявятся девицы, отплясывающие танец живота, и ларьки с хот-догами. Но пока... Пока это местечко просто идеально. Нет, вы только взгляните!

И действительно, с балкона открывался великолепный вид.

— Отсюда видно всю деревню, — сказала Гвен. — Вы непременно должны показать нам самое важное: различные магазины, банк или обменник, в общем, все в таком роде.

Джордж и Петула понимающе переглянулись и прыснули.

— В чем дело? — удивилась Гвен.

— Видимо, здесь нет никаких важных мест, — ответил Джефф, попытавшись интерпретировать выражения лиц соседей.

— Ну, почему? Пара-тройка найдется, — возразила Петула. — Даже четверка, если считать таверну Дими. Нет, поесть можно много где, но именно эта таверна — безусловно важное место. К сожалению, у меня такое чувство, что рассказав о ней, я лишила вас развлечения. Вам бы следовало самим ее отыскать. Ведь найти местечко, где отменно кормят, — уже половина удовольствия.

— А как насчет других мест? — настаивала Гвен. — Или информация о них тоже испортит нам все удовольствие? В смысле, много мы потеряем, если узнаем заранее?

— Боже упаси! Нет, конечно! — замотал головой Джордж. — Тут речь пойдет о насущных заботах, юная леди.

— Там — пекарня, — Петула указала на голубой дымок, вьющийся над частоколом труб. — Свежие булочки каждый день. А во-он там винный погребок, отличная выпивка...